

УДК: 398.2

DOI: 10.29039/2413-1741-2024-10-2-63-73

РАГУИЛ ДОБРЫНИЧ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

Козлов М. Н.

*Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: kmn_75@mail.ru*

Бойцова Е. Е.

*Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: elenaboicova@list.ru*

Представлена историческая реконструкция биографии одной из самых ярких исторических личностей Древней Руси XII в. – новгородского боярина Рагуила Добрынича. В процессе исследования применялись специальные методы познания (историко-аналитический и проблемно-хронологический). Материалы, которые составляют основу исследования, изучены и подвергнуты анализу с учетом хронологии событий и необходимости получения исторической информации из прорабатываемых научных источников. При сопоставлении различных теоретических взглядов по анализируемым проблемам использован метод сравнительного и ретроспективного анализа. Авторы провели историографический анализ проблемы, поставленной в исследовании, обозначили основные источники, используемые при написании статьи. Опираясь на тексты древнерусских летописей, а также содержание берестяной грамоты №831, авторы провели реконструкцию новгородского периода биографии Рагуила Добрынича, а также обозначили его роль в исторических событиях, связанных с изгнанием убийством князя Игоря Олеговича. Особое внимание в статье уделено анализу исторических событий 1170 г., связанных с бунтом новгородской дружины против своего князя Владимира Мстиславича, в котором ключевую роль сыграл Рагуил Добрынич.

Ключевые слова: князь Владимир Мстиславич, князь Игорь Олегович, ладожский посадник, тысяцкий Рагуил Добрынич.

В восточнославянских летописях в основном описываются деяния древнерусских князей. Лишь отдельные герои не княжеского происхождения, оставившие свой след в древнерусской истории, изредка вскользь упоминаются в древних письменных источниках. Имя же боярина Рагуила Добрынича можно найти в Лаврентьевской, Ипатьевской, Воскресенской и Новгородской первой летописях, а также в одной из берестяных грамот. Согласно дошедших до нашего времени источников он принял участие в изгнании князя Ярополка Мстиславича из Новгорода, пытался спасти князя Юрия Олеговича от разъяренной толпы киевлян и даже возглавил мятеж старшей дружины против своего князя Владимира Мстиславича. Историческая реконструкция его биографии позволила бы современным исследователям более детально изучить многие события древнерусской истории первой половины XII в.

Рагуил Добрынич неоднократно упоминался во многих трудах отечественных исследователей различных эпох. Однако в большинстве своем ученые лишь пересказывали события, сообщенные в древнерусских летописях, не подвергая их научному анализу.

Исключение составляет несколько исторических эпизодов, активным участником которых был Рагуил Добрынич. Так, П. П. Толочко, анализируя летописный рассказ о том, как данный исторический персонаж отказался от службы у своего князя, пришел к выводу о том, что в Древней Руси, дружинники были более свободны в своих действиях, чем рыцари в западной Европе [20, с. 114–115].

Еще более развил данную гипотезу Б. А. Романов. По его мнению в восточнославянских землях нарушение сюзереном нравственных норм могло создать угрозу отношениям сюзеренитета-вассалитета и даже окончиться их разрывом, причем с ущербом для старшей стороны [18, с. 200–201].

Живой интерес вызвало у отечественных исследователей упоминание в летописи В. Татищева некоего «сына тысяцкого», принявшего участие в победе новгород-северского князя Игоря Святославича из половецкого плена. Целый ряд исследователей идентифицировали его как Рагуила Добрынича, а некоторые, ссылаясь на данный источник, даже пришли к выводу, что именно он был автором «Слова о полку Игоревом» [7, с. 23–29; 21, с. 161–163]. Данное предположение, впрочем, было встречено достаточно критично в большей части научных исследований [2, с. 25; 17, с. 153–191].

И. А. Новиков и А. А. Гиппиус затрагивали в своих произведениях тему происхождения Рагуила Добрынича [8, с. 117–118; 1, с. 148–149].

Вместе с тем целостной реконструкции биографии данной исторической личности в настоящее время не существует. Исторический анализ основных этапов биографии Рагуила Добрынича – главная цель данной статьи.

Основная группа сведений о Рагуиле Добрыниче и связанными с ним историческими событиями содержится в Новгородской первой, Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Важную информацию, позволяющую уточнить некоторые детали его биографии можно найти также в новгородской берестяной грамоте №831, относящейся к 60-ым годам XII в.

Во всех вышеперечисленных источниках содержатся рассказы о некоем знатном воине (в случае с берестяной грамотой новгородском чиновнике) по имени Рагуил, жившем в 30–60 гг. XII в. Если учесть факт уникальности имени Рагуила и устойчивую связь героя всех этих исторических рассказов с древним Новгородом, то можно предположить, что во всех вышеперечисленных источниках описаны деяния одного и того же человека.

Что же касается гипотетического упоминания некоего «тысяцкого» в летописи Татищева В. то, скорее всего, никакого отношения к Рагуилу Добрыничу оно не имеет. Так, согласно данному источнику, некий половец помог новгород-северскому князю Игорю Святославичу и «сыну тысяцкого» бежать из половецкого плена. За это «тысяцкий» выдал за храброго половца свою дочь замуж [19, с. 414]. Опираясь на данный летописный рассказ, И. А. Новиков пришел к выводу о том,

что под словом «тысяцкий» следует понимать «Рагуил Добрынич» [7, с. 23–29]. При этом никаких весомых аргументов в пользу своей гипотезы автор не представил.

По нашему мнению, следует учитывать тот факт, что поход новгород-северского князя Игоря Святославича в половецкую степь произошел в 1185 году. К тому времени Рагуилу Добрыничу должно было уже быть более 70 лет. Тысяцкие в Древней Руси были опытными, но вместе с тем крепкими физически воинами. Часто они лично возглавляли княжескую дружину и первыми шли в бой. Пожилой человек тысяцким быть никак не мог. К тому же и его дочь давно должна была выйти из брачного возраста.

И. А. Новиков предположил, что тысяцкий князя Владимира Мстиславича Рагуил Добрынич был сыном двенадцатого новгородского посадника Добрыни Рагуиловича [8, с. 117–118]. Той же точки зрения придерживается А. А. Гиппиус, по мнению которого имя Рагуил попало в новгородские святцы из апокрифической «Книги Еноха», чрезвычайно популярной на Руси в то время [1, с. 148–149].

С данной гипотезой можно согласиться. Так, имя Рагуил было уникальным для Древней Руси. Оно не относится не к христианской, не к языческой традиции и сочетание Рагуил Добрынич и Добрыня Рагуилович нельзя считать просто совпадениями. С Новгородом связан и покровитель Рагуила Владимир Мстиславич – сын князя Мстислава Владимировича и уроженки Новгорода дочери посадника Дмитра Завидича Любавы Дмитровны.

Если гипотеза И. А. Новикова соответствует действительности, то Рагуил Добрынич появился на свет не позже 1118 года (так, как Добрыня-посадник, согласно Новгородской первой летописи умер в декабре 1117 года) [15, с. 4]. При этом следует учитывать также тот факт, что в 1132 году он уже был назначен посадником в Ладоге. На эту должность новгородцы могли поставить лишь заслуженного воина с большим воинским опытом. Таким образом, можно предположить, что родился Рагуил Добрынич в самом начале XII в.

О месте рождения, юности Рагуила Добрынича и его семье древнерусские источники ничего не сообщают. В пользу предположения И. А. Новикова и А. А. Гиппиуса о новгородском происхождении Рагуила Добрынича свидетельствует также отрывок из Новгородской первой летописи, в котором описываются события, последовавшие после неудачного похода князя Всеволода Мстиславича на Переяслав Залесский. Согласно источнику, данному походу предшествовало тайное бегство князя из Новгорода. Последующая же попытка Всеволода вернуться в свою вотчину спровоцировала мятеж и последующее изгнание князя. Одним из активных участников данного мятежа, судя по всему, был и Рагуил Добрынич. Так, в частности, в данном источнике под 1132 годом находим следующее: «В лето ходи Всеволодъ въ Русь Переяславлю, повельниемъ Яропльцьмъ, а цъловавъ крестъ къ Новгородемъ, яко хоцю у васъ умерети. И выгониста и изъ Переяславля. и приде опять Новугороду; и бысть въстанъ велика въ людехъ и придоша Пльсковици и Ладожане Новугороду; и выгониста князя Всеволода изъ города; и паку съдумавъше въспятиша и, Устьяхъ, а Мирославу даша посадьцяти въ Пльсковъ, а Рагуилови въ городъ [15, с. 6].

Можно предположить, что до 1132 года Рагуил Добрынич жил в Новгороде и имел большой авторитет у земляков, доверивших ему одну из самых значимых должностей в Новгородской земле. Характерно, что автор летописи пишет об изгнании князя и назначении Рагуила посадником как о взаимосвязанных событиях. Скорее всего, он был активным участником (возможно и организатором) выступления против Всеволода.

Из отрывка летописи не очень ясно, в какой город отправили Рагуила. На первый взгляд, как будто все указывает на то, что он стал посадником в Новгороде. Однако в той же Новгородской первой летописи под 1130 годом сообщается о назначении здесь посадником боярина Петрилла. Далее не о его смерти не о снятии с должности или изгнании до 1132 года не сообщается [15, с. 6]. К тому же, Петрилл, в отличие от Рагуила упоминается в своде новгородских посадников из Новгородской первой летописи.

Если связать фразу о назначении Рагуила посадником с фразой о приходе делегаций из Пскова и Ладоги, то можно предположить, что под фразой «даша посадьцяти Рагуилови въ городъ» следует понимать «назначен посадником в городе Ладоге». Таким образом, к 1132 году Рагуил Добрынич должен был к тому времени уже иметь немалый воинский опыт и авторитет среди земляков. Ладога в первой половине XII в. была мощной крепостью, защищавшей Новгород с севера. Ее цельнокаменные укрепления, построенные в 1114–1116 гг. были не менее 8,5 м в высоту) [9, с. 19].

В отличие от новгородского посадника, главным образом занимающегося торговыми спорами и сбором налогов, ладожский посадник должен был обеспечивать защиту Новгороду, всему южному Приладожью и торговым путям вглубь материка от военных угроз с севера.

Возможно, что принимал Рагуил Добрынич активное участие и в повторном изгнании князя Всеволода Мстиславича из Новгорода уже в 1136 году после неудачной для новгородцев битвы у Ждановой горы. Так, согласно Новгородской первой летописи, перед тем, как объявить князю об его изгнании, в Новгород, как и в 1132 году прибыли делегации из Пскова и Ладоги: «Въ льто 6644, Новгородьци призваша Пльсковичъ и Ладожаны, и сдумаша яко изгонити князя своего Всеволода; и въсадиша въ епископлъ дворъ, съ женою и съ дътьми и съ тьщею, мьсяця маиа въ 28; и пустиша изъ города июля въ 15, а Володимира сына его прияша» [15, с. 7].

Новгородские бояре стремились максимально ограничить власть приглашаемых в Новгород князей. Для этого они организовали показательное судилище над князем Всеволодом Мстиславичем, которое продолжалось 48 дней. Для предания легитимности своим действиям они пригласили делегации из тогдашних пригородов Новгорода – Пскова и Ладоги. Их посадники должны были выступить на вече по решению которого и был изгнан князь.

В 1147 году Рагуил Добрынич упоминается в Лаврентьевской летописи уже в качестве тысяцкого князя Владимира Мстиславича. В Новгородской первой летописи указана дата рождения князя Владимира Мстиславича (1132 год). Таким

образом, в 1147 году ему было 15 лет. В эпоху феодальных усобиц княжеские дети начинали воинскую службу в возрасте 14–15 лет. Владимир Мстиславич должен был набрать свою дружину накануне трагических событий 1147 года и таким образом, Рагуил Добрынич был с ним с самого начала его воинской биографии.

После изгнания князя Всеволода Мстиславича в новгородских землях началась жесткая борьба между сторонниками князей Мстиславичей и Ольговичей. В 40-х годах XII в. значительно усилилось влияние новгородских бояр – сторонников князей Ольговичей. Имения многих бояр – сторонников князей Мстиславичей были разграблены, а сами они бежали из Новгорода и окрестных поселений.

Вероятно, в этот же период из Новгорода бежали бояре Завидовичи, имеющие родственные связи с князем Мстиславом Владимировичем. По крайней мере, в Лаврентьевской летописи сообщается о том, что Владимир Мстиславич – внук боярина Дмитра Завидича в 1147 году оказался на службе у своего брата Изяслава в Киеве. Там же находилась и его мать Любава Дмитриевна. Согласно Лаврентьевской летописи, в доме своей матери в Киеве Владимир пытался спрятать несчастного князя Игоря Олеговича. Возможно, что по той же причине в Киеве оказался и сам Рагуил Добрынич.

В летописном рассказе об убийстве князя Игоря Олеговича Рагуил Добрынич уже назван тысяцким князя Владимира Мстиславича и его главным доверенным лицом. Он выступал в защиту несчастного князя-монаха, а затем проводил переговоры о выдаче его тела киевлянами представителям православной церкви. Вот что сообщает о событиях 1147 года Лаврентьевская летопись: «В льто 6655 въха Володимерь къ митрополиту, повабя Кьяны, и придоша Кьянь много множество народа, и съдоша у святое Софьи; Кьяне же рекоша «князь нась вабрь къ Чернигову, а здь ворогъ князя нашего и нашъ, а хочемъ и убити; поити же хочемъ битися за своего князя и с дѣтми». Рекоша же Кьяне «мы въ даемъ, аже того братъ твой не казалъ, ни вельль творити, но мы хочемъ убити Игоря. Митрополить же много взбраняше имъ, и Лазарь тысяцкый, и Рагуило Володимерь тысяцкый. И сскочи же Володимерь въ воротехъ монастырскихъ, и рече Игорь възря «охъ, брате, камо?» И сскочи же Володимерь съ коня, и покры и корзномъ, река Кьяномъ «братья моя! не мозъте створити зла, не убъйте Игоря». И доведе и Володимерь до воротъ матерее своея, и удариша и Володимера бьючи Игоря. И повъдавша Володимеру, яко повержень есть на торговищи, и посла Лазаря тысяцкого и Рагула своего тысяцкого, и прихавше видѣста Игоря лежаща, и рекоста: «се уже Игоря есте убили; ато похоронимъ тѣло его» [13, с. 137–138].

Тысяцкими в Древней Руси становились самые заслуженные воины знатного происхождения. В сложных ситуациях, когда князю необходим был совет, он собирал вече из тысяцких и сотских. Тысяцкие также выполняли административные функции на вверенной им территории. Они принимали участие в судебных заседаниях и дипломатических миссиях, следили за порядком в своих районах и организовывали сбор налогов [5, с. 59–62; 20, с. 107–131]. Таким образом, в иерархии того времени тысяцкие стояли всего на одну ступень ниже самих князей и были их главной опорой.

События 1147 года, видимо, получили невысокую оценку у князя Изяслава Мстиславича и младший сын Мстислава Великого был вынужден выехать из Киева в западную Русь. После описанных событий князь Владимир Мстиславич пытался закрепиться в Дорогобуже, Владимире Волынском и Слуцке. Однако отовсюду его выгоняли другие князья. Вместе с ним мыкалась и его дружина во главе с тысяцким Рагуилом Добрыничем.

После смерти в 1167 году князя Ростислава Мстиславича его младший брат Владимир Мстиславич стал старшим в роду Мстиславичей и именно он получил право на киевский престол. В Ипатьевской летописи, довольно лояльной к князю Мстиславу Изяславичу вообще отсутствуют описания событий между 1167 и 1169 гг. В Лаврентьевской же летописи под 1168 г. можно найти следующее: «Въ льто 6676 выгна Мстиславъ Володимера Мстиславича изъ Кыева, и иде въ Половци Володимерь; а самъ съде въ Кыевъ [14, с. 151].

Данный летописный рассказ свидетельствует о том, что вопреки общепринятым нормам наследования, племянник изгнал своего дядю с престола в Киеве, и тому пришлось бежать в половецкие земли. В будущем, вероятно опасаясь осложнений с половцами, князь Изяслав все же выделил Владимиру небольшой городок Треполь, а взамен тот признал его своим сувереном. Во всяком случае, далее Владимир уже упоминается в Ипатьевской летописи как князь Трепольский, а Мстислав Изяславич упрекал его в том, что тот плетет против него интриги, несмотря на крестное целование (то есть присягу). Таким образом, можно предположить, что князь Владимир Мстиславич стал вассалом своего племянника Мстислава Изяславича.

Спустя год племянник Мстислав Изяславич обвинил его в подготовке заговора и вызвал на суд. Младший сын Мстислава Великого отправил к племяннику своих тысяцких Рагуила и Михала, которые смогли убедить киевского князя в невиновности своего покровителя, а после и сам князь Владимир «целовал крест» о том, что не замышлял против племянника ничего дурного. Когда же Владимир Мстиславич велел своей дружине готовиться к войне против племянника в союзе с восставшими торками, он не встретил понимания со стороны своих старших дружинников. Рагуил Добрынич и Михал отказались участвовать в заговоре, и взбешенный князь обещал назначить новых тысяцких. Однако мятежников поддержала большая часть дружины.

Согласно Ипатьевской и Воскресенской летописям к восставшим торкам вместе с князем Владимиром Мстиславичем прибыла лишь небольшая группа воинов. Торки убили новых тысяцких князя Владимира Мстиславича, а сам и он бежал на запад Руси: «И нача Володимерь Мстиславичь думати на Мстислава. Давыд присла Василя, иже поведалъ то ему, приставивъ к нему Радила тысяцкого и Василя Волковича, и придоша ту Давыдовы мужи, а Володимерь своихъ прислать Рагуйла и Михаля; и начаша прѣтися с Василемъ. Мстиславъ же положъ то на Бозе, и рече Володимеру: «целоваль еси, брате крестъ ко мне, но обаче то есть отецъ нашихъ и дедъ нашихъ утверждение, а кто приступитъ Богъ ему судия; а ныне якоже глаголешъ не думаль еси на мя и не ищещи ми лиха, целуй ми крестъ».

Володимиръ же рече: «братъ! рад, целую, а то вси на мя лжа, и целова крестъ, и отпусти и Мстиславъ въ Котелницу. Томъ же лть переступи крестъ Володимиръ Мьстиславичъ: начаша слати къ нему Чагровичи, Чекманъ и братъ его Тошманъ и Маначокъ; Володимиръ же радъ бывъ думъ ихъ, и посла къ Рагуйлови Добрыничю и къ Михалеви и къ Завидови, являя имъ думу свою. И рекоша ему дружина его: о собъ еси, княже, замыслилъ; а не ъдемъ по тобъ, мы того не въдали». Володимиръ же рече, възримъ на дѣцкы: «а се будутъ мои бояре» – и поѣха къ Берендичемъ и сняси съ вѣша: братия вси со мною суть; а кое есть Андреевичъ Володимиръ, и Ярославъ, и Давыдъ? но се ездиси одинъ и безъ мужий своихъ, а насъ перельстивъ, а намъ лучше въ чюжую голову князь; и ту избиша дѣцкыи около его, а самъ бѣжа къ Дорогобужю» [14, с. 96–97; 16, с. 81–82].

Современные исследователи разошлись во мнении о том, можно ли считать отказ Рагуила Добрыничя от службы у своего сюзерена нарушением тогдашних воинских традиций? В российской историографии существовали два противоположных взгляда на систему древнерусского боярского вассалитета. Одни из отечественных ученых подчеркивали демократические начала в построении русской системы воинского служения, подразумевавшие свободный выход и вход воинов в состав княжеских дружин [11, с. 412–415; 4, с. 89; 3, с. 314].

Другие настаивали на существовании в Древней Руси феодального порядка, идентичного тому, который существовал в Западной Европе и предусматривал обязательное подчинение вассала сюзерену [10, с. 98].

В советское время концепцию Н. П. Павлова-Сильванского вполне поддержал С. В. Юшков. Так, по его мнению, нет никакой принципиальной разницы ее с западным «вассалитетом раннего Средневековья» [23, с. 70].

Многие современные российские исследователи придерживаются концепции М. П. Погодина согласно которой, система вассалитета в Древней Руси не была точной копией европейской и опиралась на собственные демократические традиции [11, с. 200–201].

С данной точкой зрения можно согласиться. В древнерусской истории немало примеров, когда после нарушения князем общепринятых моральных норм дружинники не только отказывались служить у своего князя, но и лишали его жизни. Так, согласно Ипатьевской летописи, в 1174 году бояре князя Андрея Боголюбского обвинили его в казни одного из Кучковичей и затем убили. При этом остальная дружина отнеслась к происшедшему абсолютно инертно, вероятно признавая право бояр на кровную месть [14, с. 113–114].

Б. А. Романов обратил внимание исследователей на обострение отношений между сыном Ярослава Осмомысла Владимиром и боярами в связи с незаконной связью Владимира с некой «попадѣей». По его мнению, нарушение князем моральных принципов стало достаточным основанием для отказа местных бояр от своего князя [18, с. 200–201].

Владимир Мстиславич, как следует из текста Ипатьевской летописи, организовав мятеж против своего сюзерена Мстислава Изяславича, сам нарушил вассальную клятву и этим совершил клятвopреступление. Клятвopреступление, по

мнению наших предков, могло вызвать многие беды. Так, в 1068 году причиной поражения князей Ярославичей на реке Альта в битве с половцами автор «Повести временных лет» считал нарушение клятвы, которую братья Ярославичи дали полоцкому князю Всеславу Брячиславичу: «В лето 6576. Придоша иноплемьеници на Русьску землю, половьци мнози. Изяславъ же, и Святослав», и Всеволодь изидоша противу имъ на лето. И бывши нощи, подьидоша противу собь. Гр'ьхъ же ради нашихъ пусти Богъ на ны поганья, и побгоша русьскыи князи, и победита половьци. Наводить бо Богъ по гн'ьву своему иноплемьеники на землю, и тако скрушенимъ имъ въспоманутся къ Богу [14, с. 73].

Кроме того, необходимо учитывать тот факт, что клятва верности воина своему сюзеру в Древней Руси была двусторонней. Помимо обязанности дружины защищать своего князя, князь был обязан защищать свою дружину и заботиться о ней. Если же проанализировать исторические события, предшествующие мятежу старшей дружины против князя Владимира Мстиславича, то становится очевидным, что князь всю жизнь шел на поводу своих авантюрных устремлений, абсолютно не заботясь не только о дружине, но и о самых близких людях, мыкающихся с ним из города в город.

Как видно из текста Ипатьевской летописи, в мятеже помимо дружины трипольского князя должны были принять участие князь Владимир Андреевич, Ярослав и Давыд Ростиславичи, а также несколько отрядов мятежных торков. При этом, судя по всему, Владимир Мстиславич поставил в известность о своих планах старшую дружину уже тогда, когда знал об отказе князей-союзников от участия в мятеже. Таким образом, мятеж превратился в явную авантюру, а свою небольшую дружину князь обрек на верную гибель. Не изменили ситуации бы и отряды кочевников, на поддержку которых рассчитывал трепольский князь. В пользу данного предположения свидетельствует поведение раздосадованных торков, начавших от отчаянья стрелять по оставшейся дружине мятежного князя.

Можно констатировать, что прежде чем тысяцкие князя Владимира Мстиславича нарушили свою клятву верности, он сам нарушил ее по отношению к своему сюзеру Мстиславу Изяславичу, а также по отношению к своим тысяцким, которых он ради собственной прихоти сделал клятвопреступниками и обрекал на верную смерть.

Таким образом, поведение Рагуила Добрынича и других представителей старшей дружины князя Владимира Мстиславича нельзя назвать предательством.

Можно предположить, что узнав о мятеже своего дяди Владимира Мстиславича, князь Изяслав изгнал из киевских земель и ту часть его дружины, которая отказалась участвовать в заговоре.

Как верно заметил И. Я. Фроянов, в случае нарушения клятвы верности отношения между сюзером и его вассалами в Древней Руси прекращались, а сами они лишались своих имений, полученных за вассальную службу [22, с. 64].

О том, что Рагуил Добрынич вернулся в Новгород свидетельствует новгородская берестяная грамота №831, относящаяся к 60-м годам XII в. Согласно данному источнику, некий Кузьма просит Рагуила прекратить преследовать его и

его семью. В источнике перечисляются многочисленные подарки, которые Кузьма передал Рагуилу и его слугам (отрокам): «От Кузьмы и от его детей к «старшему» Рагуилу. Я дал корову тебе ценой в полторы гривны; ... [и] сыры – это я купил за гривну; да десять сигов и полоть в десять кун. Да попу твоему корову ценой в гривну. И отрокам твоим я оказывал почет и давал [им] дары. И вот [еще] ты забрал у меня рабыню и юношу-раба [совокупной] ценой в семь гривен и другую рабыню ценой в две гривны. Но [это] – благослови тебя Бог. А вот зачем ты придираешься ко мне и к моим детям? Если кто-то заводит тяжбу против меня [и моих детей, – упаси (?) тебя Бог] – это он уже подстрекает [тебя] против меня и моих детей. А ты из-за этого [наслал на меня и на моих детей] двух отроков. А я с детьми ... '[а из] денег пошло епископу в казну (букв.: во двор) [столько-то] дескать, я тут от них от всех (т. е. от своих детей) посаднику с [епископом заплатил только] шесть (вероятно, гривен). А я тебе не колбяг, я тебе не «скудятина» (т. е. нищий)! А уж очень мне было туго (?) тогда. И благословляю тебя во всем. А ты, Степан, переписав на пергамен, пошли» [6].

Как видно из источника, Рагуил по возвращению из Киева получил в Новгороде какую-то важную административную должность. В его подчинении были «отроки», то есть младшие дружинники. Письмо же ему написал, вероятнее всего, незадачливый должник, из которого бывший тысяцкий князя Владимира Мстиславича выбивал недоимки.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что Рагуил Добрынич прожил яркую жизнь и принял участие во многих исторических событиях того времени. Он принадлежал к славному новгородскому роду Добрыничей и был сыном восьмого новгородского посадника. Рагуил принимал участия в событиях, связанных с изгнанием князя Всеволода Мстиславича из Новгорода, успел побывать ладожским посадником и послужить князю Владимиру Мстиславичу. Во время данной службы он пытался спасти несчастного князя Игоря Олеговича, защищал своего князя от обвинений в подготовке к мятежу, а когда тот все же решился на предательство своего сюзерена, взбунтовал старшую дружину против князя Владимира Мстиславича. После отказа от службы у своего князя вернулся в Новгород, где получил важную административную должность.

Список используемых источников и литературы

1. Гиппиус А. А. Рагоуиль. Страница из истории русского именослова // Русистика. Славистика. Лингвистика. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag, Hgg. S. Kempgen, U. Schweier, T. Berger. München: Verlag Otto Sagner, 2003. – С. 144–154.
- Gippius A. A. Ragouil". Stranica iz istorii ruskogo imenoslova // Rusistika. Slavistika. Lingvistika. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag, Hgg. S. Kempgen, U. Schweier, T. Berger. München: Verlag Otto Sagner, 2003. – S. 144–154.
2. Дмитриев Л. А. К вопросу об авторе «Слова о полку Игореве» // Русская литература. – 1986. № 4. – С.21–37
- Dmitriev L. A. K voprosu ob avtore «Slova o polku Igoreve» // Russkaya literatura. – 1986. № 4. – S.21–37
3. Ключевский В. О. История сословий в России // Собрание сочинений: В 10 т. –Петроград, Литературно-издательский отдел Комиссариата Народного просвещения, 1918. – Т. 6. – 304 с.

- Klyuchevskij V. O. Istorija soslovij v Rossii // Sobranie sochinenij: v 10 t. –Petrograd, Literaturno-izdatel'skij otdel Komissariata Narodnogo prosveshcheniya, 1918. – Т. 6. – 304 s.
4. Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования // Собрание сочинений: В 12 т. – СПб.: Тип. А. Граншеля, 1872. – Т. 12. – 465 с.
- Kostomarov N. I. Istoricheskie monografii i issledovaniya // Sobranie sochinenij: V 12 t. –SPb.: Tip. A. Transhelya, 1872. – Т. 12. – 465 s.
5. Кучкин В. А. Первые тысячки Северо-Восточной Руси // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. – 2015. – №. 4(62). – С. 59–62
- Kuchkin V. A. Pervye tysyackie Severo-Vostochnoj Rusi // Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki. – 2015. – №. 4(62). – С. 59–62
6. Новгородские берестяные грамоты. Электронный ресурс. Точка доступа: <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/831/>
- Novgorodskie berestyanye gramoty. Elektronnyj resurs. Tochka dostupa: <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/831/>
7. Новиков И. А. «Слово о полку Игореве» и его автор. – М.: Советский писатель, 1938. – 88 с.
- Novikov I. A. «Slovo o polku Igoreve» i ego avtor. – М.: Sovetskij pisatel', 1938. – 88 s.
8. Новиков И. А. Сын тысяцкого: Повесть об авторе «Слова о полку Игореве» // Новый мир. – 1938. – № 5. – С. 113–140
- Novikov I. A. Syn tysyackogo: Povest' ob avtore «Slova o polku Igoreve» // Novyj mir. – 1938. – № 5. – С. 113–140
9. Новое в археологии Старой Ладogi: материалы и исследования / Под редакцией Платонова Н. И. и Лапшина В. А. – СПб.: Невская Книжная Типография, 2018. – 536 с.
- Novoe v arheologii Staroj Ladogi: materialy i issledovaniya / Pod redakciej Platonova N. I. i Lapshina V. A. – SPb.: Nevskaya Knizhnaya Tipografiya, 2018. – 536 s.
10. Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. – Петроград.: Прибой, 1924. – 160 с.
- Pavlov-Sil'vanskij N. P. Feodalizm v Rossii. – Petrograd.: Priboj, 1924. – 160 s.
11. Погодин М. П. Древнерусская история до монгольского ига. В 3-ых томах. – Т.2. – М.: Синодальная типография, 1871. – 425 с.
- Pogodin M. P. Drevnerusskaya istoriya do mongol'skogo iga. V 3-yh tomah. – Т.2. – М.: Sinodal'naya tipografiya, 1871. – 425 s.
12. Повесть временных лет / под ред. и с пред. В.П. Адриановой-Перетц. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 239 с.
- Povest' vremennyh let / pod red. i s pred. V. P. Adrianovoj-Peretc. – М.-Л.: Izd-vo AN SSSR, 1950. – 239 s.
13. ПСРЛ. – Т. 1: Лаврентьевская и Суздальская летописи по Академическому списку. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 472 с.
- PSRL. – Т. 1: Lavrent'evskaya i Suzdal'skaya letopisi po Akademicheskomu spisku. – М.: Izd-vo AN SSSR, 1962. – 472 s.
14. ПСРЛ. – Т.2: Ипатьевская летопись. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 938 с.
- PSRL. – Т.2: Ipat'evskaya letopis'. – М.: Izd-vo AN SSSR, 1962. – 938 s.
15. ПСРЛ. – Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 576 с.
- PSRL. – Т. 3: Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov. – М.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950. – 576 s.
16. ПСРЛ. – Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. – Ч. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 345 с.
- PSRL. – Т. 7: Letopis' po Voskresenskomu spisku. – Ч. 1. – М.: Izd-vo AN SSSR, 1962. – 345 s.
17. Робинсон А. Н. Автор «Слова о полку Игореве» и его эпоха // Слово о полку Игореве: 800 лет. – М.: Наука, 1986. – С. 153-191
- Robinson A. N. Avtor «Slova o polku Igoreve» i ego epoha // Slovo o polku Igoreve: 800 let. – М.: Nauka, 1986. – С. 153-191

18. Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI – XIII вв. – М.: Территория, 2002. – 255 с.
Romanov B. A. Lyudi i nrvy Drevnej Rusi. Istoriko-bytovye ocherki XI – XIII vv. – М.: Territoriya, 2002. – 255 s.
19. Татищев В. Н. История Российская. –М.: АСТ, 2003. – Т. 2. – 735 с.
Tatishchev V. N. Istoriya Rossijskaya. –М.: AST, 2003. – Т. 2. – 735 s.
20. Толочко П. П. Власть в Древней Руси X – XIII века. – СПб.: Алетейя, 2011. – 200 с.
Tolochko P. P. Vlast' v Drevnej Rusi X – XIII veka. – SPb.: Aletejya, 2011. – 200 s.
21. Федоров В. Г. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла. – М.: Молодая гвардия, 1956. – 174 с.
Fedorov V. G. Kto byl avtorom «Slova o polku Igoreve» i gde raspolozhena reka Kayala. – М.: Molodaya gvardiya, 1956. – 174 s.
22. Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. – 256 с.
Froyanov I. YA. Kievskaya Rus': Ocherki social'no-politicheskoy istorii. – L.: Izd-vo LGU, 1980. – 256 s.
23. Юшков С. В. Феодальные отношения в Киевской Руси. – Саратов: Сарполиграфпром, 1925. – 108 с.
Yushkov S. V. Feodal'nye otnosheniya v Kievskoj Rusi. – Saratov: Sarpoligrafprom, 1925. – 108 s.

Kozlov M. N., Boitsova E. E. Raguil Dobrynich as a historical figure

The article presents a historical reconstruction of the biography of one of the most prominent historical figures of Ancient Rus' of the 12th century. – Novgorod boyar Raguil Dobrynich.

During the research process, special methods of cognition were used (historical-analytical and problem-chronological). The materials that form the basis of the study were studied and analyzed taking into account the chronology of events and the need to obtain historical information from the scientific sources being studied. When comparing different theoretical views on the analyzed problems, the method of comparative and retrospective analysis was used.

The authors conducted a historiographic analysis of the problem posed in the study and identified the main sources used in writing the article. Based on the texts of ancient Russian chronicles, as well as the contents of birch bark letter No. 831, the authors reconstructed the Novgorod period of the biography of Raguil Dobrynich, and also outlined his role in the historical events associated with the expulsion and murder of Prince Igor Olegovich.

Particular attention in the article is paid to the analysis of the historical events of 1170 related to the revolt of the Novgorod squad against their prince Vladimir Mstislavich, in which Raguil Dobrynich played a key role.

Keywords: Prince Vladimir Mstislavich, Prince Igor Olegovich, Ladoga mayor, thousand Raguil Dobrynich.